

© 1991 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ?

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич — доктор философских наук, профессор, директор Института социологических исследований АОН ЦК КПСС. Постоянный автор нашего журнала.

За свою недолгую, но богатую драматичными событиями историю отечественная социология пережила несколько дискуссий о самоопределении в качестве суверенной науки. Споры «об объекте и предмете» оказались полезными, несмотря на то, что ученые так и не смогли договориться о преодолении сохраняющегося до сих пор рассогласования макро- и микроподходов [1], не научились учитывать в полном объеме совокупность социологической информации, мучительно и трудно добываемой в разных областях общественности. Концептуальный и методический инструментарий нашей науки и спустя 30 лет после ее полуофициального признания далек от совершенства, что отражается на его познавательных возможностях адекватного постижения общества, в котором мы живем.

Сегодня вновь назрела необходимость проведения рефлексивной работы, методологической экспертизы. Она обусловлена в основном двумя обстоятельствами: особенностями современного общественного развития, которые поставили перед социологией задачу выработки принципиально новых подходов; становлением социологии как самостоятельной науки, что требует от нее осмысления практики обновления советского общества и решительного отказа от догм и компромиссов, которые сопровождали ее развитие в 60-80-е годы.

Оценивая реальное место социологии в жизни общества, а также выводы и уроки прошедших дискуссий, попытаемся осмыслить некоторые важные вопросы приращения социологического знания.

Об объекте социологии

Долгое время этот вопрос специально не обсуждался. В принципе большинство социологов разделяли мнение о том, что объектом их изучения является общество, поскольку оно в тех или иных аспектах исследуется всеми социально-гуманитарными науками, и потому нет необходимости определять специфику объекта применительно к каждой из них. Соответственно, не было нужды и в различении объекта и предмета социологии. Робкие попытки все же осуществить анализ вопросов, касающихся объекта нашей науки [2], игнорировались, так как их слабой стороной было то обстоятельство, что в них отсутствовало определение качественной специфики общества, которая могла бы стать объектом именно социологического исследования.

Безусловно, любая общественная наука в качестве своего объекта имеет

не все общество как таковое, а его отдельные грани или формы проявления — историческую, экономическую, правовую и т.п.

Мы полагаем, что такой — малоисследованной — гранью, которая и составляет объект социологии как суверенной науки, является гражданское общество. К этой идее в той или иной мере уже обращались и отечественные социологи, и зарубежные [3], однако она не получила систематической разработки.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что гражданское общество возникло лишь на определенном этапе развития человеческой цивилизации. Хотя его элементы, незрелые формы существовали во все времена, как самостоятельное, самодовлеющее явление оно сформировалось в тот конкретно-исторический период, когда человек в реальной жизни стал демонстрировать принципиально новые черты своего сознания и поведения, образа жизни. Это было связано с процессом становления капиталистического способа производства, когда человек получил возможность действовать как самостоятельная общественная сила, чьи резервы зависели теперь от уровня сознательности, творчества участников реального исторического процесса. В отличие от рабовладельческого и феодального общества человек в массовом порядке становился ценностью, свободным и ответственным субъектом экономической, политической и духовной жизни — гражданином. Именно с появлением гражданского общества люди действуют как историческая сила, оказывающая влияние на общественные процессы в не меньшей степени, чем социальные группы и слои, их политические и иные объединения и организации.

Ни одна социальная наука не возникает прежде общественной потребности. Не является исключением и социология. Ее появлению предшествует формирование в жизни общества специального механизма, связанного со становлением совершенно определенного типа общественных отношений, когда человек выдвигается на принципиально новую социальную позицию как во взаимоотношениях с общественными институтами, так и в познании своей личностной самооценности. Исследование общечеловеческих принципов организации общественной жизни ни в коей мере не отменяет анализа специфических форм жизнедеятельности людей в разных социально-экономических системах. Однако последнее является лишь особой формой проявления общечеловеческого. Это нужно подчеркнуть, поскольку в немалом числе научных трудов, имеющих дело с противопоставлением жизни людей в капиталистическом и социалистическом обществах, именно гиперболизация социально-классового подхода служила исходным пунктом вульгаризированного анализа общественно-экономических формаций, абсолютного противопоставления основоположений «буржуазной» и советской социологической мысли. Как показала практика, интеллектуальная ограниченность ни к чему, кроме как к тупику, застою, потере исторической перспективы, не ведет. Логика общественного развития показывает необходимость постоянного сопоставления жизнедеятельности социальных групп и слоев не только внутри исторически конкретного общества, но и между различными их типами.

Этот познавательный импульс — нахождение и сравнение различных видов жизнедеятельности с учетом специфики каждой страны — может характеризовать вклад социологии в решение как глобальных, так и специфических проблем, волнующих все человечество или его отдельные слои и группы.

Социология уже на первых этапах своего становления обращала внимание на общие принципы, основы, характерные для любого гражданского общества вне зависимости от конкретной социально-экономической и политической формы его воплощения. Она исходила из того, что выявлению специфики того или иного общества должно предшествовать исследование общих и устойчивых для любого общества характеристик, объясняющих сущность человеческого общежития вне зависимости от конкретных форм ее проявления. Справедливости ради следует сказать, что именно распространение такого подхода в социологии 20-30-х годов послужило основой для резкой ее критики за «социологизи-

рованные», «абстрактные» схемы, за отказ придерживаться классово-идеологических установок, за ее приверженность поиску «абстрактно общего», выделению в качестве предмета анализа, говоря современным политическим языком, «приоритета общечеловеческих ценностей». Это стремление социологов анализировать проблемы гражданского общества явилось основой для неоправданно жесткой критики и в 70-е годы, исходившей из того, что, по данным ученых, показатели трудовой деятельности, образа жизни, развития культуры, образования свидетельствовали о многих общих чертах жизни советских людей с жизнью в других странах, что противоречило идеологическим догмам.

О предмете социологической науки

Не затрагивая весь комплекс генезиса идей о предмете социологии, хотелось бы напомнить те основные вехи, которыми можно обозначить путь становления этой науки в условиях нашей страны.

Первое упоминание о социологии как возрожденной научной дисциплине относится к 1955 г., когда академик В.С. Немчинов охарактеризовал ее как одну из отраслей философского знания, предметом которой является развитие общества [4]. В дальнейшем эта точка зрения была конкретизирована: «социология есть наука о законах и движущих силах развития общества» [5]. Этот подход, очевидно, полностью отождествлял ее с историческим материализмом, и не случайно, что такая двусмысленность долгое время не могла устраивать ученых — нельзя же в самом деле «умножать сущности».

Следующая попытка определить место социологии в системе общественных наук была связана с известным постановлением ЦК КПСС 1969 г., ставившем задачу разработки «исторического материализма как общесоциологической теории» [6]. Развернутая трактовка этой позиции нашла отражение в обзорной статье журнала «Коммунист», в которой утверждалось, что марксистская социология наряду с историческим материализмом как общесоциологической теорией включает исследование законов функционирования различных социальных общностей, совокупность специальных социологических теорий разного уровня общности и, наконец, конкретные социологические исследования [7]. В принципе это была поддержка точки зрения, высказанной на одной из первых дискуссий о структуре социологической науки (МГУ, 1968), когда Д.М. Угринович наряду с характеристикой исторического материализма как общесоциологической теории предложил выделить частные социологические теории [8]. «Уровневая методология» разрабатывалась в этот период многими учеными [9] и, по существу, господствовала до начала 80-х годов.

Однако отождествление общей социологии с историческим материализмом оказалось малопродуктивным, ибо не могло оправдать существование активно складывающихся самостоятельных направлений социологических исследований. Эта позиция имплицитно, в скрытом виде, отрицала самостоятельность социологии как науки и не могла поэтому удовлетворить многих исследователей. В этих условиях появилось немало попыток найти компромиссный вариант между должным и сущим.

Среди них наибольшую известность получило определение, данное Ю.А. Левадой: «социология — это эмпирическая социальная дисциплина, изучающая общественные системы в их функционировании и развитии» [10]. Это был компромисс между разными трактовками диалектики «эмпирического и теоретического» в социологии — базируясь на опыте прикладных исследований, автор осуществил попытку выстроить свое понимание структуры социологического знания. Однако и этот подход был подвергнут критике, главным образом, с позиции невозможности существования социологии как самостоятельной науки. «Энциклопедической истиной» стал подход, который рассматривал социологию как «науку о закономерностях и движущих силах развития и функциониро-

вания социальных систем, как глобальных (общество в целом), так и частных (социальные группы, учреждения и процессы)» [11].

Это не остановило ученых. Под их настойчивым давлением было узаконено понятие «прикладная социология» и проведена методологическая работа по выявлению предмета данной науки. На наш взгляд, наиболее полно ее результаты воплощены в определении В.П. Давидюка, считающего, что «марксистская прикладная социология есть наука о специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, процессов, структур, организаций и их элементов» [12]. Многообразие точек зрения породило и нигилизм в отношении социологии как науки. «До сих пор, — утверждал В.Я. Ель-меев в 1986 г., — не возникло необходимости (и вряд ли она появится) в общей социологии как науке наряду с историческим материализмом, являющимся синонимом науки социологии» [13].

Такое неопределенное, противостественное состояние не могло долго продолжаться. Поэтому в научной литературе конца 70-х — начала 80-х годов была предпринята попытка выйти на более конкретную трактовку предметной области социологии, которая многими стала связываться с развитием социальной сферы.

Такой акцент казался вполне естественным, ибо к тому времени общество dorосло до понимания важности и чрезвычайной значимости социальных процессов, их влияния на все без исключения стороны жизнедеятельности людей. Игнорирование социальных аспектов развития обернулось крупными просчетами и потерями из-за недалновидности многих экономических и политических решений. И так как был затруднителен ответ на вопрос — какая же наука ответит на вызов времени — появился соблазн возложить эту миссию на социологов. Наиболее последовательное обоснование этой точки зрения было осуществлено В.Н. Ивановым, который сосредоточил внимание на выявлении сущности социальных отношений, их специфики, роли и места в общественной жизни [14]. При этом социальные отношения трактовались им как срез, аспект общественных отношений. На наш взгляд, такой подход приближает или даже отождествляет социальный факт, процесс и явление с общественным фактом, процессом и явлением. Аналогичные или близкие этому утверждения, касающиеся других аспектов социального (социальная структура, группы и общности, процессы) содержатся в работах А.Г. Здравомыслова, А.Г. Харчева, в ранних работах В.А. Ядова. В той или иной мере они перекликаются между собой, отражая реально сложившуюся ситуацию на этом этапе становления социологии как науки.

Думается, неполнота и односторонность этих точек зрения проявляется в следующем: а) социальное здесь часто трактуется как общественное, т.е. в широком смысле этого слова, в то время как в большинстве случаев оно рассматривается как однопорядковое наряду с экономическим, политическим, духовным; б) практика показывает, что социологи не замыкаются на анализе лишь социальных процессов, исследуя проблемы и в сфере экономики, политики, культуры, международной жизни и т.п.; в) прежде чем обратиться к социальным структурам, слоям, группам, обществам, социология интересуется самим человеком, его сознанием и поведением, которые опосредуют все его общественные функции.

Таким образом, сама жизнь подсказывает, что социология не может ограничиваться изучением только социальной сферы. Анализ истории нашей науки показывает, что реальностью уже стали, во-первых, исследования экономической жизни (проблемы труда, его условий, организации и стимулирования, проблемы трудовых коллективов и регионов, занятость, экологическая и демографическая ситуация и т.п.). Во-вторых, социология, безусловно, активно интересуется собственно социальными процессами (проблемы социальной структуры, организации распределительных отношений, социального статуса, образа жизни, националь-

ных и межнациональных отношений и т.д.). В-третьих, исследования все больше обращаются к раскрытию сущности политических процессов и явлений, связанных с развитием демократии, решением проблем власти, участием трудящихся в управлении, деятельностью общественных организаций и т.п. И, наконец, социология глубоко изучает духовную жизнь общества: предметом ее исследований становится широкий круг проблем образования, культуры, науки, искусства, религии.

Это позволяет сделать вывод, что предмет социологии нельзя ограничить одной сферой общественной жизни, ибо область ее интересов касается всех без исключения проблем бытия человека.

Уточнение предмета социологии этими вариантами не закончилось. Сравнительно недавно была открыта еще одна страница дискуссии, связанная с попыткой выделить сетку основных категорий, задающих ядро предметной области социологии как особой науки об обществе. В.А. Ядов в качестве основной категории предложил рассмотреть «социальную общность». По его мнению, этот подход позволяет успешно соединять макро- и микросоциологический подходы, учитывает субъективно-деятельную компоненту и всеобщие формы социальной организации [1].

Одновременно сформулировано и другое предложение. В качестве базисной категории и соответственно предмета социологии было введено понятие «социальная структура», которая, по мнению А.В. Кабыщи, одинаково приложимо к обществу, социальной группе и личности [15].

Не отрицая значимости этих трактовок предметной области социологии, надо заметить, что они все же ограничиваются важной, но не исчерпывающей — одной — стороной жизнедеятельности общества.

Исходя из того, что центральной проблемой гражданского общества — объекта социологии — является процесс становления, формирования и освобождения сущностных сил человека, мы полагаем, что ее предмет — специфическая форма проявления человека как личности, что в первую очередь связано с анализом его сознания и деятельности.

Анализируя реально сложившуюся практику исследовательской работы в социологии, мы приходим к выводу, что ученые в центр своего внимания всегда ставили человека, его сознание (знания, мнения, суждения, ценностные ориентации), его реакцию на общественные изменения и его деятельность — не столько как индивида, сколько как члена определенной общественной группы, слоя, института. Для социологии огромное значение имеет анализ мотивов поведения людей в определенной жизненной ситуации, их потребностей, интересов и ориентаций. Иначе говоря, она изучает общественное сознание посредством анализа индивидуального и группового сознания, а также формы и методы его объективизации в деятельности (поведении) в условиях определенных социально-экономических и политических отношений и под влиянием материально-вещественной среды обитания. Это тем более важно, что прежде чем включиться в социальные общности, группы, слои человек начинает с осознания окружающей реальности, с попыток превращения последнего в реальные поступки в условиях определенной макро- и микросреды. Вот почему даже использование статистики для социологии важно не как информация о количественных процессах вообще, а как характеристика, которую нужно соотносить с внутренним миром людей.

В своей предметной деятельности социолог прежде всего сталкивается не со структурами и формами социальной организации, а с сознанием и деятельностью человека, через которые он выходит на институциональный, стратификационный, управленческий и другие уровни организации общественной жизни.

Остановимся на этом подробнее.

"Реальное» сознание и поведение как предмет социологии

В структуре общественного сознания обычно выделяют два уровня — обыденный и теоретический. При этом наиболее распространена точка зрения, которая противопоставляет их друг другу, квалифицируя обыденное сознание как низший, недоразвитый и т.п. уровень общественного сознания. Все это в известной степени справедливо пока осуществляется гносеологический анализ этого явления. Но, как показывает жизнь, в чистом виде ни то, ни другое не существует. Социологический подход заставляет нас по-иному взглянуть на эту проблему, введя категорию «реального» (практического) сознания.

Прежде всего нужно отметить, что реальное сознание действительных индивидов, вплетенное в общественный процесс их жизнедеятельности, не отделено от общественного воспроизводства их жизни и отражает не только случайные, стихийные связи и отношения, а способно улавливать (пусть в несовершенном виде) некоторые устойчивые закономерности и тенденции.

Реальное сознание не только не исключает здравого смысла, возможности познания глубинных сущностных процессов, но и предполагает свое постоянное обогащение и использование в практической жизни человека. Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности (политической, эстетической, нравственной и т.п.). Оно производится всеми видами деятельности человека, проникает в каждую из них и соответственно зрелости этой деятельности отражает в себе степень развитости (научности или ненаучности) осознания окружающей действительности. Так как любого рода деятельность содержит в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, то можно сказать, что сознание, порожаемое ею, отражает некоторые устойчиво сложившиеся тенденции, объективные закономерности развития. То, что это сознание оперирует «первичными мыслительными формами», ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только «мелкими» вопросами бытия. Именно это противоречие — отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубокого, а не поверхностного отражения действительности — и характеризует современное состояние реального сознания и, соответственно, поведения людей. Далее, реальное сознание и поведение по своему содержанию представляет сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных взглядов и привычек с эмоциональными формами. И если эмоциональный компонент реального сознания и поведения по своей сущности более руководствуется непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то рациональный компонент способен в большей мере интегрировать и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной жизни, улавливать общественное и общественно-политическое звучание многих происходящих событий. В этом и проявляется тот момент, который роднит отдельные элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Тяготение и нередко преобладание эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает важность и значимость рационального, не исключает возможности того, что оно в конечном счете определяет направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

Кроме того, реальное сознание и поведение присуще не только отдельной личности или случайным, стихийным группам людей. Они — продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и социально-классовых групп, слоев и отрядов. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение эмпирических условий существования, они приобретают самостоятельную роль, выражаясь в общественном мнении, умонастроениях людей. Результаты деятельности людей, «включая и их ошибки,

оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» [16]. Хотя реальное сознание и поведение и складывается из непосредственного опыта отдельных людей, тем не менее, в его общественном воплощении оно образует своеобразное явление, творцом которого выступает класс, нация, социальная группа или социальный слой. Так, каждый человек вырабатывает свои представления о происходящих политических событиях как внутри страны, так и за рубежом. Однако реальное сознание и поведение не собрание или механическое обобщение этих взглядов и поступков: они образуют новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественного бытия.

И, наконец, реальное сознание и поведение по своему характеру и содержанию отражают многочисленные общественные противоречия, полны повседневных коллизий, нередко очень близки по своей сущности к обыденному сознанию. «Взятое... как совокупность обыденных переживаний, то есть всех тех горестей и радостей, надежд и разочарований, из которых складывается повседневная жизнь, это обыденное сознание оказывается сплошным беспокойством, по сравнению с которым научное и философское сознание представляются чем-то вроде атараксии мыслителей эпохи эллинизма» [17].

Реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своей сути общественные явления. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественного сознания и общественной деятельности в целом во всем его многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния и тенденций развития и функционирования общественных процессов. Поэтому их изучение и исследование представляет важный инструмент управления, является неременным средством для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Говоря о реальном сознании, хотелось бы обратить внимание на его близость, но не идентичность, понятию «массовое сознание», которое получило большое распространение в философской и социологической литературе. Массовое сознание олицетворяет такое общественное явление, которое описывается понятиями «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности», что определяет не только его социальную природу, но и границы. При всей важности массового сознания и даже учитывая его глубокую дифференциацию, все же остается открытым вопрос: «куда относить сознание, которое является немассовым, отражает позиции небольших, и даже незначительных групп и слоев, отдельных личностей?». Не получится ли так, что будет происходить сознательное игнорирование форм проявления сознания тех, кто не подпадает под понятие «массовое»? Это тем более важно, что мы имеем печальный опыт игнорирования (в политической жизни) того сознания, которое в самом деле не отражало мнения массы, но которое было способно предвидеть и определять процесс познания общественной жизни.

Это несовпадение массового сознания с реальным, практическим проявляется не только в случае опережения сознания отдельных людей или отдельных групп людей. Такая постановка вопроса относится и к другим случаям несоответствия сознания и поведения (в том числе и в негативном плане) массовому сознанию, когда ценности, установки, взгляды характеризуют особую позицию, особый уклад жизни и особое восприятие действительности. На наш взгляд, под понятие «массовое сознание» никогда не подпадает сознание новатора-художника, писателя, композитора, хотя по ряду показателей оно мало чем отличается от жизненных установок большинства людей. Под массовое сознание не подпадают и взгляды, мнения тех групп людей, которые в силу исторических и этногеографических причин не вошли в полный контакт с мировой цивилизацией и сохраняют приверженность своему укладу жизни.

Нужно сказать еще и о таком феномене, когда преувеличение роли массового сознания в недавнем прошлом являлось основанием для игнорирования и даже преследования тех, кто не вписывался в его рамки, «выпадал» из привычного, санкционированного, официально одобренного.

Поэтому признавая большое значение такого явления как массовое сознание, все же целесообразнее рассматривать реальное, практически функционирующее общественное сознание во всей его сложности, противоречивости, конфликтности, без изъятия из него сознания не только отдельных социальных общностей, но и отдельных людей. И, что особенно важно, для социологии имеет не меньшее значение и процесс превращения общественного сознания в материальную силу. Реальное, живое сознание и поведение — гораздо более богатое по содержанию специфическое состояние общественной жизни, в котором переплетаются как научно обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующая ему деятельность. Именно такой подход позволяет представить реальное сознание и поведение во всей его сложности и противоречивости, не обречь их на рассмотрение как на нечто не всегда достойное внимания и научного анализа. Иначе говоря, живое практическое сознание и поведение это реально функционирующая — в субъективном плане — общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному сознанию и поведению как живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему в условиях непосредственно практического опыта, способному предвосхищать (или включать в себя) теоретическое сознание, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выделить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но даже в условиях различных социально-экономических систем.

Таким образом, предмет социологии как науки включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей, которые выступают как предметное воплощение (по форме и содержанию) знаний, установок, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, фиксируемых в реальном сознании; условия, в которых развивается и осуществляется реальное сознание и деятельность, действительное поведение людей.

Реальное, живое сознание и поведение отражают на эмпирическом уровне все многообразие, противоречивость, случайность и необходимость в жизни человека как общественного существа. Именно они во всех проявлениях выступают чутким показателем состояния и тенденций развития и функционирования общественных процессов.

Такой подход, на наш взгляд, позволяет преодолеть разрыв между макро- и микросоциологией и сосредоточить внимание на анализе и выявлении закономерных связей и тенденций на основе изучения существующей реальности и на этой базе уточнять, применять, преобразовывать наши представления обо всем общественном организме, отвергая те умозрительные построения, которыми нередко страдал макросоциологический уровень анализа.

Таким образом, мы обогащаем гуманистическую направленность социологии и ее эмпирических исследований, более точно и предметно определяем ее место в системе научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социол. исслед. 1990. № 2. С. 15.
2. Воробьев Н.А. Методологические проблемы анализа объекта социологического исследования. Барнаул, 1974.

3. *Иванов В.Н.* Социология в системе научного управления обществом. М., 1984. *Осипов Г.В.* Социология как наука // Социальные исслед., М., 1968. Вып. 2. С. 29.
4. *Немчинов В.С.* Изб. произв. М., 1967. Т. 1. С. 374. См., также *Францев Г.П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965.
5. Социология в СССР. М., 1966. Т. 1. С. 13; См. также *Константинов Ф.В., Келле В.Ж.* Исторический материализм — марксистская социология // Коммунист. 1966. N 1; *Чесноков Д.И.* Исторический материализм. М., 1964. С. 10.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов. М., 1972. Т. 9. С. 345, 348.
7. *Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В.* Исторический материализм — теория и метод научного познания и революционного действия // Коммунист. 1974. N 4.
8. О структуре марксистской социологической теории. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 12.
9. *Руткевич М.Н.* Диалектика и социология. М., 1980. С. 47; Рабочая книга социолога. М., 1976. С. 15; Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С. 10.
10. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. М., 1969. Ч. 1. С. 85.
11. *Философская энциклопедия.* М., 1970. Т. 5. С. 85.
12. *Давидюк В.П.* Прикладная социология. Минск, 1979. С. 14.
13. Вест. Ленинград. ун-та. Сер. философ. 1986. N 2. С. 93.
14. *Иванов В.Н.* Социология сегодня. Опыт и проблемы социологических исследований. М., 1989. С. 11.
15. *Кабыща А.В.* Научный статус исторического материализма и предмет социологии // Социол. исслед. 1990. N 4. С. 22.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 419.
17. *Ойзерман Т.И.* Философия и обыденное сознание // Вопр. филос. 1967. N 4. С. 127.